

Читайте романы
Наталии Полянской:

КНИГИ, КОФЕ И ХВОСТЫ
МОЙ ДРАГОЦЕННЫЙ КОТ
СЛЕДУЙ ЗА БЕЛЫМ КОТИКОМ
ПЕЙЗАЖ,
НАРИСОВАННЫЙ ЛАПКОЙ

Наталья
Полянская

ПЕЙЗАЖ,
НАРИСОВАННЫЙ
ЛАПКОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
П54

Редактор серии *Полина Корицкая*

Иллюстрация на переплете *Полины Мерунки*

Полянская, Наталия.
П54 Пейзаж, нарисованный лапкой: роман /
Наталия Полянская. — Москва : Эксмо,
2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-231901-3

После предательства любимого Даша решила: никаких больше драм! Работа реставратора, самостоятельная жизнь и кошки кажутся ей вполне надежным будущим. Но в старом особняке Волжанска она встречает Михаила. Сердце, которое так долго молчало, оживает.

Хорошо, что рядом оказываются те, кто разбирается в любви лучше людей: Сильвер, Рыжик Второй и Батончик. Но у хвостатых обитателей особняка свои представления о романтике...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полянская Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231901-3

ГЛАВА 1

Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не тил брудершафта¹.

Кот был несуразен.

Он сидел на первой ступеньке лестницы — худой, клочкастый, с вытаращенными глазами, живо напомнивший Даше первого кота с натюрморта Гогена². Когда она подошла поближе, стало ясно, что зверь бе-

¹ Здесь и далее в эпиграфах — цитаты из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

² Имеется в виду натюрморт «Цветы и кошки», написанный Полем Гогеном в 1899 году. Две кошки сидят по бокам большой вазы с яркими цветами.

ло-рыжий, словно поржавевший местами. Впрочем, для того, чтобы понять его истинную расцветку, его хорошо было бы отмыть.

Из-за лестницы выскользнула длинная, как байдарка, серая кошка, уверенно пробежала по вестибюлю и сгинула в тенях.

— Настоящая напасть, — пожаловалась Маргарита Петровна, гремя ключами; Даша немедленно вспомнила: «Ключница водку делала?!» — Уж и гоняли их, и ловили, а все равно лезут и лезут! Дом-то старый, дыр полно, несмотря на реставрацию. Хоть мышей ловят, крыс. Иногда приходишь утром, а на полу рядком лежат крысюков пять — поймали да продемонстрировали!

— Они едят крыс? — полюбопытствовала Даша.

— Кто б им дал? Может, и едят втихаря, но так-то мы котов подкармливаем, жалко...

«И еще удивляетесь, что кошки в особняке чувствуют себя как дома!» — хотела сказать Даша, но прикусила язык. Не ее это дело. Ее дело — картины.

— Вы вот тут присядьте. — Маргарита Петровна указала на кресло, робко прятавшееся в углу. Даша навскидку оценила: примерно начало девятнадцатого века, ско-

рее всего, Россия, красное дерево и кожа. Заклепки потускнели, кожа немного потрескалась, но в целом состояние удовлетворительное. — Михаил Юрьевич и Владимир Егорович скоро придут, тогда они вам все и покажут.

— А можно я пока тут осмотрюсь?

Маргарита Петровна пожала плечами.

— Осматривайтесь. Только из вестибюля никуда не уходите. Не имею права без дозволения вас дальше пускать.

— Я буду хорошо себя вести, — заверила ее Даша. Смотрительница особняка смерила ее подозрительным взглядом — узкие джинсы, ботиночки на высоком каблуке, ни дать ни взять столичная штучка! — и кивнула.

— Сделаю чаю. Как все посмотрите, приходите пить, начальники знают где.

Она зашаркала прочь; Даша проводила ее взглядом. Как живут такие люди? Сколько этой Маргарите Петровне вообще лет? Сидоренко обмолвился, что она досталась городу вместе с особняком на площади Декабристов. Нестарая вроде тетка, по лицу так точно, а одета в длинную юбку монашеского вида, невнятную какую-то блузку

и жилетку из убиенного чебурашки. Даша навскидку могла бы придумать несколько способов, как вписать подобную мохнатость в модный лук, однако Маргарита Петровна Осина выглядела так, будто в этой жилетке родилась и в ней же и помрет, лишь бы ничего не менялось.

Даша поежилась. Чемодан она оставила в гостинице, благо та недалеко — только перейти площадь, — и оделась довольно легко, а сейчас вот понимала, что прогадала. До особняка добежала быстро, хотя задувающий с Волги февральский ветер скреб поземкой по исторической брусчатке и норовил забраться под кожаную куртку. Даша думала, что в особняке Росса тепло, и теперь с досадой понимала, как наивна была. Да, тут поддерживалась определенная температура — Даша уже заметила кондиционер и увлажнитель воздуха, — однако она не учла, что помещения долгое время простояли пустыми. Здесь никто не живет, кроме Осиной.

Вот тоже странность!..

Впрочем, это не Дашино дело.

Обхватив себя руками, она подошла к окну. Пейзаж не изменился: февральский

день, сумрачно-промозглый, переползал в вечер; неохотно зажглись фонари, их свет желто-оранжевыми кругами лег на плотные и не думающие таять сугробы. Вокруг крохотного сквера, посреди которого стоял, склонив голову, неопознаваемый человек-памятник, фонари сгруппировались особенно плотно, будто хотели согреться. За ними проглядывала светящаяся вывеска гостиницы «Берег», где поселили Дашу, а рядом мигали буквы трактира «Ладья», написанные тем самым шрифтом, что и название ресторана «Плакучая ива» в фильме «Бриллиантовая рука».

— «Одним толчком согнать ладью живую с наглаженных отливами песков»¹... — пробормотала Даша и, услышав шорох, обернулась.

Ржавый кот со ступенек исчез — кто бы сомневался, совершенно бесшумно! — зато нарисовался другой. Большой (сразу видно, мужик!), с белой мордой и лапами и светло-серой, будто серебряной, спинкой. Серебро расчерчивали черные тигриные полосы. Красавец!

¹ Стихотворение Афанасия Фета, 1887 г.

— Привет, — Даша присела на корточки и протянула руку. — Ты тут главный? Покажешь мне все?

Кот подошел, недоверчиво приняхался; видно было, как двигаются роскошные усы, как подрагивают серые уши. Решив, видимо, что Даша не представляет опасности, котфей уселся на обширный зад и принялся вылизываться. Был он чистый, ухоженный и разительно отличался от встреченных Дашей ранее экземпляров.

Даша осторожно прикоснулась к спине кота, медленно провела по ней рукой. «Из тебя бы кисточки делать — не уступили бы беличьим!» Кот вылизывался, игнорируя тот факт, что его наглаживают, и это показалось добрым знаком.

Она встала, медленно прошла по вестибюлю, подмечая детали. Мебель в основном российская, разве что дубовый стол в стиле ренессанс, скорее всего, голландский. Впрочем, тут Даша ручаться бы не стала, она специалист в другой области, хотя антикварную мебель всегда любила. И часы! Это уже двадцатый век и, пожалуй, Европа. Бельгия? Возможно. Остановившись, Даша коснулась часового корпуса. Ореховое дерево, медный

циферблат с нежной, как крылышки стрекозы, чеканкой... Им лет сто, не меньше. Что они повидали на своем веку? Сколько людей прошло перед ними? Даше иногда казалось: вещи оставляют на себе отпечаток тех, кто жил рядом, и это нестираемо.

В ногу что-то ткнулось. Опустив взгляд, Даша увидела кота: он стоял, прислонившись к ней мохнатым боком, и, кажется, думал.

— А вы тут, я смотрю, порядок соблюдаете, — сказала Даша. — Мебель не дерете, о часы когти не точите. Воспитанные котики, да?

Входная дверь открылась, и Даша с котом обернулись.

— Дарья, вы уже тут, — констатировал очевидный факт Сидоренко, топая на резиновом коврике, отчаянно выбивавшемся из общего стиля. Что поделать, зима, тащить грязь в залы не стоит. — Отлично. А где Маргарита Петровна?

— Готовит чай. Сказала, чтобы мы потом приходили его пить.

— А, хорошо... Давайте вас познакомлю. Михаил, это Дарья Касьянова, наш редактор. Дарья, Михаил Юрьевич — наш меценат, я вам о нем рассказывал.

Если быть точной, когда велись переговоры, Сидоренко заявил следующее: «Терентьев — мужик дельный, средств на реставрацию не жалеет. В разумных пределах, конечно, но... Для нас это и так подарок. Вы должны быть с ним любезны». До сего дня к меценатским телам младшего реставратора Дарью допускали редко, а потому следовало послушать старших. Тем более когда оклад не настолько плох, как мог бы быть. Даша улыбнулась и протянула руку:

— Здравствуйте, Михаил Юрьевич. Приятно познакомиться.

— Можно просто по имени. — Он крепко пожал Дашину ладошку. — Замерзли тут?

— Нет, у меня всегда руки холодные...

— А сердце горячее? — усмехнулся Терентьев.

Даша окинула его профессиональным взглядом и решила, что меценат ей, пожалуй, нравится.

Он словно шагнул сюда с венской улицы: элегантное черное пальто, небрежно повязанный темно-синий шарф, перчатки, шляпа. Лицо молодое — вряд ли ему больше сорока! — несущее на себе почти неуловимый отпечаток авантюризма. В полутьме

было не разглядеть, какие у Терентьева глаза, но Даше показалось — серые. А еще он сразу наклонился и погладил подбежавшего к нему, неизвестно откуда возникшего черного кота, и это словно вешало на мецената ярлык «хороший человек». Не может быть плохим тот, кто любит котиков! «Вспомни дона Корлеоне», — ехидно подсказал внутренний голос, и Даша отмахнулась от него.

— А вместо сердца у меня пламенный мотор, — улыбнулась она.

— Это хорошо, потому что тут у нас прохладно. — Сидоренко потер ладони. — Климат-контроль шалит, хотя, казалось бы, новая система. Дом старый и, признаться, содержался в нормальном состоянии только местами. Ну, мы навели порядок, осталось разобраться с... — Он оборвал сам себя: — Впрочем, вам это неинтересно, Дарья.

— Отчего же...

— Давайте лучше займемся вашей вотчиной. Прошу.

Из вестибюля они прошли в просторный зал, тонущий в полутьме. Сидоренко щелкнул выключателем, и медленно, словно нехотя, зажглись многорожковые люстры. Лимонные блики легли на дубовый паркет.

Даша огляделась: мебели немного, высокие окна закрыты портьерами винного оттенка, в простенках висят картины. Около ноги возникло движение, и, опустив глаза, Даша увидела давешнего серо-белого кота с тигровой спинкой.

— Вижу, вы понравились Сильверу, — заметил Терентьев.

Сидоренко поморщился.

— Михаил Юрьевич, вы обещали решить вопрос с кошками.

— Обещал и не решил пока.

— Откуда их здесь столько? — поинтересовалась Даша.

— Исторически так сложилось. — Видно было, что Владимир Егорович данным фактом очень недоволен. — По нашим оценкам, их тут сейчас обитает больше тридцати, и поверьте, это настоящая напасть.

— Мебель дерут?

— Как ни странно, нет. Но шерсть, антисанитария... Мы не сможем открыться, если не высадим котов. Впрочем, это не ваши проблемы. — Он обвел рукой зал. — Тут обычно Заболоцкие давали балы. Позже, при советской власти, пионеры клеили модели. Ну а Росс постарался вернуть особ-

няку исторический вид, и вот, извольте видеть...

Даша изволила (надо же, как выражаются в провинции!). Паркет, люстры и стайка бидермайеровских стульев — это хорошо, однако ее в первую очередь интересовали картины.

Она подошла к ближайшему полотну, подняла голову, рассматривая. Даше прислали несколько фотографий перед тем, как был подписан контракт, но этой картины там не было. Полотно небольшое, полметра на метр, состояние более чем удовлетворительное. Мелкие сколы на раме, но это ерунда. Сюжет незамысловат: Волга ранним утром, купы деревьев у воды, солнце пронизывает их поредевшие кроны неяркими лучами. Смесь коричневого, синего, оранжевого. Художник писал мелкими мазками: не импрессионизм, а намек на оный. Впрочем, вряд ли сельский живописец разбирался в мировых течениях...

— Как вам? — Терентьев остановился рядом с Дашей, и она обнаружила, что ниже его почти на полголовы.

— Хорошая техника, — она встала на цыпочки, чтобы разглядеть подробности, — хорошая композиция. И состояние непло-